

После того как было решено отложить визит в великое поместье Чжоу, Чжоу Минъюань заметно повеселел. Не обращая внимания на прохожих, он непринужденно взял Фэн Инуо за руку и увлек за собой к дверям торгово-развлекательного центра «Фэньюэ».

Однако Фэн Инуо мягко, почти незаметно высвободил ладонь и негромко напомнил, что они вообще-то не в Штатах — здесь два взрослых мужчины, держащиеся за руки у всех на виду, будут выглядеть по меньшей мере странно.

Будучи в превосходном расположении духа, босс Чжоу не стал спорить и лишь поинтересовался, чего бы тому хотелось на обед.

Фэн Инуо окинул взглядом его безупречно сидящий строгий костюм и с легким вздохом ответил:

— Давай европейскую кухню.

Вести человека в таком парадном облачении в шумную забегаловку на хотпот или барбекю было бы верхом кощунства, хотя сам Инуо сейчас отдал бы за сочное жареное мясо всё на свете.

Такое решение окончательно задобрило босса Чжоу. Он уверенно повел спутника на третий этаж, где располагался весьма известный французский ресторан.

Посмотрев на баснословные цены в меню, Фэн Инуо понял, что у него просто рука не поднимется сделать заказ. С самым послушным видом он обратился к Чжоу Минъюаню:

— Я не слишком разбираюсь во французской кухне. Закажи на свой вкус, пожалуйста.

Чжоу Минъюань сделал заказ на безупречном, беглом французском. У Фэн Инуо от изумления едва глаза на лоб не полезли.

— Не знал, что ты владеешь французским, — вырвалось у него.

— Обо мне ты вообще мало что знаешь, — отозвался Чжоу Минъюань, небрежно разворачивая белоснежную салфетку.

— Например? — Фэн Инуо сделал глоток воды.

— Например, то, что я также говорю по-испански и по-японски.

— Да ладно? Seriously?

Чжоу Минъюань проигнорировал этот вопрос, перейдя к более насущному:

— И зачем ты так долго морил себя голодом?

— Ну... — Фэн Инуо неловко почесал кончик носа. — Забыл.

— Забыл? — босс явно не счел это оправданием.

— Слишком увлекся сценарием и потерял счет времени, — честно признался актер. — Кстати, я ведь так и не поблагодарил тебя за роль в «Горы и реки остаются». Спасибо огромное за этот шанс.

— Я обещал тебе эту роль, — ответил Чжоу Минъюань будничным тоном, будто устроить безвестного новичка на главную роль к самому режиссеру Лу Пинчуаню было для него делом одной минуты. Он даже не догадывался, какому колоссальному труду и жесткой конкуренции подвергаются обычные актеры ради малейшей зацепки в подобных проектах.

Фэн Инуо на мгновение растерялся, силясь вспомнить, когда это он успел выпросить у него роль. В этот момент Чжоу Минъюань добавил:

— Хэ Ицзэ отдал роль второго плана в «Свисте Меча в Бушующем Ветре» своему очередному протеже. Да и персонаж этот тебе совершенно не подходил.

«Ах, вот оно что!» — озарило Фэн Инуо.

Тогда он брякнул это исключительно из желания заставить Чжоу Минъюаня отступить, подкинув ему невыполнимую задачу. Кто же мог знать, что их история повернет в такое русло?

В очередной раз подтвердилось: жизнь — лучшая из сценаристок, и строить планы на будущее бесполезно.

— Спасибо тебе, — искренне произнес Фэн Инуо.

Официант подал выбранное Чжоу Минъюанем вино, аккуратно наполнил бокалы и, пожелав приятного аппетита, бесшумно удалился.

— Уже известно, когда ты уезжаешь на съемки? — поинтересовался Чжоу Минъюань.

— Через три дня, — ответил Фэн Инуо.

Чжоу Минъюань лишь молча кивнул, не высказывая возражений, и слегка приподнял бокал.

Фэн Инуо поспешил последовать его примеру.

В хрустальном звоне соприкоснувшегося стекла прозвучало напутствие Чжоу Минъюаня:

— Выложись по полной. Не заставляй меня краснеть за тебя.

Три дня спустя

Три дня спустя просторный минивэн, предоставленный агентством Синьхуэй, увозил Фэн Инуо и его менеджера Ро Сэня на съемочную площадку киногородка в город J.

Чжоу Минъюань в сопровождении Синь Чжэ отправился в древнюю усадьбу семьи Чжоу.

Вместе с ними туда прибыли Сунь Хайда — личный юрист покойного главы «Шэнши Цзядэ» Чжоу Шисюня, приглашенный Чжоу Минъюанем известный адвокат Хань Дун, а также многочисленная толпа прямых и побочных наследников клана Чжоу, съехавшихся со всех уголков страны.

Древняя усадьба семьи Чжоу, раскинувшаяся в восточном пригороде города S, занимала огромную территорию. Архитектурный комплекс площадью более тысячи квадратных метров, окруженный живописными горами и водоемами, представлял собой классический образец традиционной цзяннаньской усадьбы с ее изящными садами и величественными павильонами.

Если заглянуть в исторические хроники города S, можно узнать, что этой усадьбе уже перевалило за сотню лет. Известный патриотический промышленник Чжоу Ланьтай построил ее в подарок своей будущей супруге — дочери ювелирного магната из знатного рода У. Проект резиденции он заказал у выдающегося зодчего Лян Хуайюя, только-только вернувшегося в те годы из-за границы.

Другие творения мастера Ляна, уцелевшие в вихре исторических потрясений, давно перешли в государственную собственность, превратившись в памятники архитектуры, музеи или правительственные объекты. То, что потомкам Чжоу удалось сохранить родовое гнездо в частном владении спустя целый век, граничило с чудом.

Истоки этого чуда уходили корнями в эпоху ранней Китайской Республики.

Первый владелец поместья, Чжоу Ланьтай, принадлежал к числу тех немногих одаренных юношей, которых в конце эпохи Цин отправили на обучение за рубеж за казенный счет. Он стал первым среди соотечественников, кто получил высшее финансовое образование на Западе.

Вернувшись на родину, Чжоу Ланьтай унаследовал семейное дело — сеть ломбардов и традиционных банков-цяньчжуан, — расширил его и основал Финансовую корпорацию Процветание. Внедрив современные методы инвестирования, организовав аукционы и выпуск облигаций, он быстро превратился в ключевую фигуру делового мира города S.

Женитьба на У Инся, старшей дочери влиятельного цзяннаньского клана У, окончательно укрепила позиции его финансовой империи, сделав положение корпорации незыблемым.

Однако Чжоу Ланьтай обладал не только коммерческим гением, но и горячим патриотическим сердцем. С началом войны сопротивления японским захватчикам он задействовал все каналы своей корпорации, чтобы переправлять на фронт тонны медикаментов, теплой одежды и стратегических материалов. Позже, в годы Гражданской войны, он не колеблясь пожертвовал огромную часть состояния на поддержку освободительного движения. Заслуги Чжоу Ланьтая перед родиной послужили щитом для его потомков: в тяжелые времена политических бурь и чисток семья Чжоу оказалась в числе немногих избранных, кого не коснулись репрессии. Их род выстоял, сохранив богатство и влияние.

После смерти основателя его второй сын, Чжоу Шисюнь, объединил Финансовую корпорацию Процветание с Ювелирным домом Благодетель. Так родилась Акционерная компания Процветание и Благодетель, вошедшая в число первых отечественных предприятий, чьи акции начали торговаться на бирже. Сквозь десятилетия экономических реформ и кризисов компания пронесла и преумножила свое могущество, преуспевая как в классических финансовых инструментах вроде ценных бумаг и фондов, так и в добыче и обработке драгоценных камней.

Параллельно процветанию бизнеса росла и сама семья.

Чжоу Ланьтай воспитал пятерых сыновей и дочь. И хотя его старший сын Чжоу Шичжао безвременно ушел из жизни из-за болезни в голодные годы, оставив после себя лишь единственного сына Чжоу Циняня, остальные наследники выросли здоровыми и подарили деду множество внуков. Особо среди них выделялся унаследовавший бразды правления Чжоу Шисюнь. Его деловая хватка превосходила даже таланты отца; именно под его руководством «Шэнши Цзядэ» завершила масштабную модернизацию и взлетела на недостижимую высоту.

Подобно тому как союз его отца с наследницей рода У заложил фундамент благополучия семьи, брак самого Чжоу Шисюня определил судьбу корпорации в критический момент. Его избранница, юная госпожа Пэй Юньжу, происходила из другого видного цзяннаньского клана. Когда много лет назад корпорация столкнулась с жестокими нападками конкурентов и оказалась на грани банкротства из-за нехватки ликвидности, именно она, наперекор воле собственной семьи, настояла на замужестве и принесла с собой колоссальное приданое. Этот шаг спас тонущего гиганта, позволив устоять перед натиском бури.

Сегодня, после кончины Чжоу Шисюня, эта волевая женщина — Старая госпожа Чжоу — де-факто правила кланом.

Они прожили рука об руку шестьдесят счастливых лет, деля пополам все невзгоды и триумфы. Она владела невообразимым богатством, а их единственный сын рос надежным и способным преемником. Казалось, первая половина ее жизни была соткана из безупречной гармонии, лишенной малейшего изъяна.

Но эта хрупкая иллюзия абсолютного счастья разлетелась вдребезги в один миг. Спустя всего три месяца после свадьбы ее единственный сын, двадцативосьмилетний Чжоу Жуйнянь, погиб в автокатастрофе. Обстоятельства трагедии оказались несмываемым пятном на репутации семьи.

О своем отце Чжоу Минъюань не помнил ровным счетом ничего.

Он родился в Соединенных Штатах. События первых трех лет жизни стерлись из его памяти без следа, а с трех до десяти лет его мир ограничивался исключительно фигурами дяди и тети.

Дядя Синь Юэсун и его жена официально оформили над ним опеку и окружили мальчика искренней заботой. Однако пережитый в раннем детстве глубокий шок оставил тяжелый след: у Чжоу Минъюаня развилось выраженное расстройство аутистического спектра. Он упорно молчал, избегал любого общения и панически боялся любых тактильных контактов.

Лед тронулся лишь тогда, когда на свет появились его двоюродные братья — Синь Вэй и Синь Чжэ. Перед обезоруживающей невинностью и незащищенностью младенцев его внутренние барьеры постепенно рухнули. Психологическая травма начала затягиваться. Пусть он по-прежнему не выносил чужих прикосновений, но, по крайней мере, когда эти двое маленьких проказников карабкались к нему на колени, пачкая слюнями одежду, он не выражал агрессии и не пытался сбежать.

Свою мать до десяти лет Чжоу Минъюань навещал исключительно в закрытом отделении специализированной психиатрической клиники.

В периоды ремиссии она бывала тихой, ласковой и грустной, но временами на нее накатывали приступы буйного помешательства и истерии. Она редко понимала, кто перед ней находится, и в восьми случаях из десяти, прижимая сына к себе, шептала имя Жуйняня.

Мальчик не знал, кто это. Когда он однажды спросил у дяди, тот со вздохом ответил:

— Это твой отец, Чжоу Жуйнянь.

— А где он сейчас? — поинтересовался ребенок.

Лицо Синь Юэсуна помрачнело, взгляд подернулся печалью:

— В раю или в аду... Кто знает.

Тогда он не до конца понял смысл этих слов, но интуитивно догадался, что безумие матери напрямую связано с таинственной фигурой отца, и больше никогда не поднимал эту тему.

Когда Чжоу Минъюаню исполнилось десять, Синь Юэлин пошла на поправку. Пропали приступы ярости, прекратились безумные крики, и она наконец перестала путать сына с покойным мужем.

Синь Юэсун забрал сестру из больницы. В окружении любящей семьи ее душевные раны медленно затягивались. Запертое на замок в течение долгих лет сердце наконец оттаяло; она смогла пережить горечь утраты и принять суровый факт: ее супруг погиб всего через три месяца после их свадьбы.

Только тогда Чжоу Минъюань узнал, кем на самом деле была его мать. В прошлом — блистательная кинодива, кумир миллионов в Китае, она на самом пике славы оборвала карьеру, чтобы связать судьбу с настойчиво ухаживавшим за ней молодым наследником финансовой империи Чжоу Жуйнянем.

Идиллия оборвалась кошмаром: не прошло и ста дней со дня бракосочетания, как Чжоу Жуйнянь разбился насмерть в ужасной аварии. Вместе с ним в машине находилась популярная актриса, которую пресса тут же окрестила его любовницей. Оба погибли на месте.

Официальное расследование установило, что в крови Чжоу Жуйняня содержалась запредельная доза запрещенных веществ. Потеряв управление, он вылетел на встречную полосу прямо под колеса многотонного грузовика.

«Влиятельный клан», «супружеская измена», «наркотики», «предательство у алтаря» — в те консервативные годы любое из этих словосочетаний способно было вызвать колоссальный общественный резонанс. Семье Чжоу пришлось задействовать все свои колоссальные связи и ресурсы, чтобы замять скандал и стереть упоминания о нем со страниц газет.

Но для выживших — для молодой вдовы, чьи надежды на счастье были безжалостно растоптаны, — этот кошмар стал лишь началом новой бури.

Удар оказался сокрушительным для гордой Синь Юэлин. Она отказывалась верить в предательство мужа, в его порочные пристрастия и нелепую смерть. Давление со стороны разгневанной родни покойного, непрекращающееся преследование со стороны репортеров окончательно добили ее. Рассудок женщины не выдержал.

Срочно вернувшийся на родину Синь Юэсун настоял на том, чтобы забрать сестру за границу для лечения. Могущественный клан Чжоу отпустил ее без малейших колебаний и даже без тени приличия.

Ослепленная горем Старая госпожа Чжоу в порыве безумного гнева обвинила невестку в том, что та якобы не сумела удержать мужа и тем самым погубила его. Она прямо заявила:

переступив порог усадьбы, Синь Юэлин навсегда перестанет считаться членом их семьи.

Дрожащий от ярости Синь Юэсун, обняв потерявшую рассудок сестру, навсегда покинул этот дом, а вскоре и Китай.

Никто из них тогда не догадывался, что изгнанная из высшего общества женщина уже больше месяца носила под сердцем ребенка. Опасаясь за ее и без того подорванное здоровье, Синь Юэсун планировал прервать беременность, но реакция сестры напугала его: она впала в неистовство, готовая перегрызть горло любому, кто посмеет покуситься на ее дитя.

Брату пришлось уступить. Он надеялся, что материнский инстинкт и забота о младенце помогут Синь Юэлин вернуть душевное равновесие.

Увы, реальность оказалась далека от его надежд. Психическое состояние Синь Юэлин лишь ухудшалось с каждым месяцем после родов. Она превратилась в одержимую: стоило кому-то приблизиться к малышу, как у нее начинался припадок неконтролируемой агрессии. В остальное же время она часами сидела неподвижно, баюкая младенца на руках. Она не замечала ничего вокруг, не ела и не пила. Даже когда голодный ребенок исходил криком в ее объятиях, она оставалась глуха и слепа к его плачу.

Синь Юэсун нанял профессиональных сиделок, а собственную свадьбу откладывал раз за разом, не в силах бросить сестру в беде.

Синь Юэлин не выпускала младенца из рук круглые сутки. Кратковременное исчезновение ребенка из поля зрения вызывало у нее приступы удушающего ужаса, сопровождавшиеся истошными криками. Из-за этой болезненной опеки Чжоу Минъюань до двух лет практически не опускался на землю и не умел ходить.

В конце концов Синь Юэсун осознал, что промедление губительно для обоих. Собрав волю в кулак, он отправил сестру на принудительное лечение в закрытый санаторий под постоянное наблюдение специалистов.

Вероятно, запечатленный в подсознании страх перед удушающими материнскими объятиями породил в Чжоу Минъюане глубокое отвращение к прикосновениям. Научившись ходить в два с половиной года, он пресекал любые попытки взять его на руки, упорно молчал и уходил в себя, не желая контактировать с внешним миром.

Его спасла безграничная любовь близких: бесконечное терпение дяди и тети, беззаботный смех двоих кузенов, а также долгожданное выздоровление матери, сумевшей вернуть себе способность радоваться жизни.

Все эти годы могущественные родственники из Китая даже не подозревали о существовании мальчика. Да и сам он был уверен, что его нога никогда не ступит на родную землю предков.

Человек, подаривший ему половину жизни и когда-то беззаветно любимый его матерью, оставался для него безликим призраком. Слово «отец» в сознании Чжоу Минъюаня являлось лишь абстрактным термином; у него не было перед глазами даже выцветшего снимка Чжоу Жуйняня.

Имя Минъюань мать дала ему в первый день учебы в средней школе. До этого по настоянию Синь Юэсуна мальчик носил фамилию матери и звался Элвисом Синем.

В день смены имени окончательно победившая болезнь Синь Юэлин серьезно обратилась к сыну:

— Твоя настоящая фамилия — Чжоу. Ты плоть от плоти этого рода. И куда бы ни забросила тебя судьба, помни о своих корнях.

Поэтому при оформлении нового паспорта они не стали использовать привычные для эмигрантов гонконгские или тайваньские транслитерации вроде «Chou» или «Chow». Мать настояла на официальном пиньине — «Zhou».

Она вовсе не стремилась вернуть его в лоно отвергшего их клана. Она лишь хотела, чтобы сын не забывал, откуда пришел, и знал, что его отца звали Чжоу Жуйнянь.

Их жизнь в Америке текла размеренно и благополучно. Синь Юэсун заслужил репутацию талантливого независимого продюсера в Голливуде, его супруга занимала пост ведущего редактора в глянцевого издания. Оправившись от душевного недуга, Синь Юэлин увлеклась живописью. Вскоре между ней и ее преподавателем, галантным и чутким профессором академии искусств, вспыхнуло искреннее чувство. Они поженились, когда Чжоу Минъюань учился на первом курсе университета.

Семьи жили в соседних коттеджах с общим садом. Стоило матери приготовить ужин и крикнуть из окна, как Синь Вэй и Синь Чжэ с хохотом перемахивали через живую изгородь и устремлялись к столу. Обрато они возвращались тем же путем, напрочь игнорируя парадный вход.

Несмотря на драму, разыгравшуюся еще до его рождения, Чжоу Минъюань считал себя любимчиком судьбы. Рядом всегда были преданные дядя и тетя, готовые ради него на любые жертвы, любящая мать, сумевшая победить тьму безумия, и двое неугомонных братьев, сделавших его детство ярким и счастливым.

А далекий могущественный клан, царивший на другом конце света, казался ему чужой галактикой, не имеющей к нему никакого отношения.

Он искренне надеялся, что они никогда не вспомнят о нем и не нарушат покой его близких.

Увы, у судьбы были совершенно иные планы.

Старый глава клана Чжоу Шисюнь неведомым образом прознал о существовании внука, более тридцати лет скрывавшегося за океаном. Перед самой кончиной, собирая последние силы, старик составил завещание, повергшее в шок всю многочисленную родню: он отписал львиную долю своей гигантской империи неизвестному бастарду.

Поначалу Чжоу Минъюань лишь презрительно усмехнулся, услышав об этом. Еще во время учебы в колледже он вместе с друзьями запустил стартап и при поддержке дяди открыл собственную продюсерскую компанию. Его бизнес процветал, и хотя его капитал уступал вековым богатствам Чжоу, Минъюань не видел ни единой причины взваливать на себя эту обузу. За кресло председателя правления «Шэнши Цзядэ» велась непрекращающаяся подковерная война, и внезапное появление чужака мгновенно превратило бы его в мишень для сотен смертельно опасных врагов.

Зачем ему, человеку самодостаточному и обеспеченному, лететь через океан и лезть в это змеиное гнездо? Чжоу Минъюань без колебаний ответил юристам категорическим отказом.

Однако из глубокого уважения к матери он решил обсудить ситуацию с ней.

Синь Юэлин долго молчала, невидящим взглядом глядя перед собой, прежде чем произнести едва слышно:

— Я никогда не верила в то, что твой отец погиб случайно.

Именно поэтому Чжоу Минъюань вернулся.

<http://bllate.org/book/19036/1986427>